

Абузар БАГИРОВ,
писатель, доктор филологии, доцент
Университета МГИМО МИД РФ

ЗНАТНЫЙ КАРАБАХСКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ

Начиная с первобытных времён и до наших дней, человечество занималось разгадыванием бесчисленных тайн мироздания. Жажда познания двигала мировую цивилизацию к открытиям, к новым вершинам знаний. За всю историю гениальные умы человечества сделали великое множество открытий, но, несмотря на это, в мире остаётся достаточно тайн, всё ещё ждущих своей разгадки. Видимо, сокровенный смысл человеческой жизни и заключается в этой бесконечной цепочке открытий неизвестного.

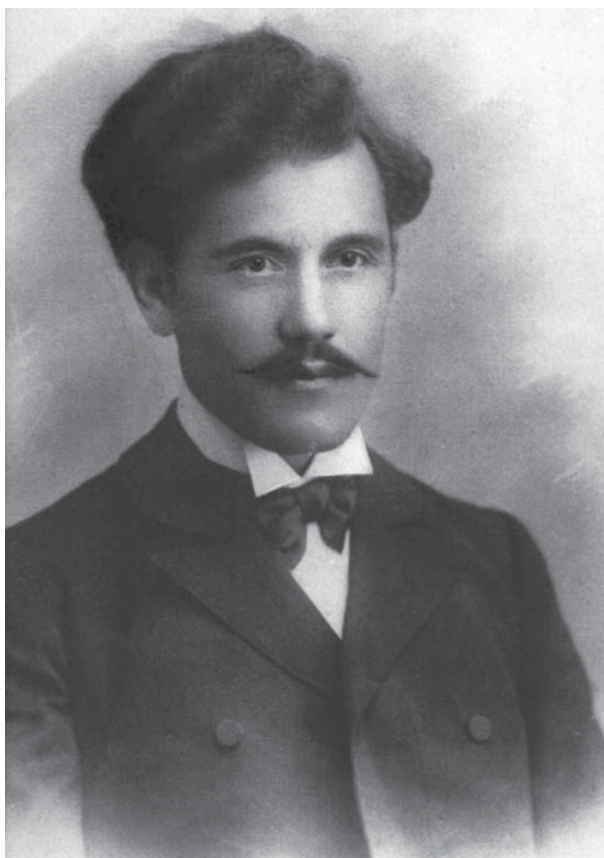
На земном шаре существуют регионы, известные не только природными богатствами и красотами, но и людьми, которые родились и выросли там и стали знаменитыми на весь мир в той или иной области знаний. Таких случаев не счесть, но если обратиться к закономерностям глобального масштаба, то все еще нет исчерпывающего ответа, например, почему Восток испокон веков славится гениальными поэтами и мыслителями, мастерами художественного слова, в то время как Запад радуется человечество высокими достижениями в области точных наук и технологий (здесь нет, конечно, строгого разграничения). Благо, что вкупе всё это обогащает общемировую сокровищницу культуры человечества. И все народы мира вправе беспрепятственно пользоваться, и будем надеяться, воспользуются в равной степени плодами общечеловеческого познания.

В Азербайджане также немало подобных региональных феноменов. Общеизвестно, что Гёкчинский край прославился замечательными ашугами; Казахская и Ширванская зоны – талантливейшими поэтами и писателями; Нахчыван

и Кедабек – выдающимися учёными; Карабах – непревзойдёнными музыкантами, композиторами, поэтами, драматургами.

Выдающийся драматург-просветитель, талантливый прозаик-реалист, вдумчивый публицист-сатирик, театральный деятель, музыкальный эрудит, дирижёр-первопроходец, переводчик, интеллектуал, учёный и педагог, одним словом разносто-

Абдулрагим бек Ахвердиев

Почтовая марка, выпущенная в Азербайджане в честь А.Ахвердиева

ронный интеллигент **Абдуррагим бек Ахвердиев** – как раз уроженец загадочно-священного, незабвенно-таинственного Карабаха. Родился он 17 мая 1870 года в селе Акбулаг, что в шести километрах от города Шуша, в семье обедневшего дворянина Асад бека, служившего переводчиком при уездном управлении. В три года потеряв отца, мальчик воспитывался отчимом Гасанали беком Садыковым, человеком образованным, который приобщил его к русскому языку и научил русской грамоте. В 1880 году семья переехала в Шушу, главный город Карабаха, где Абдуррагим поступил в городскую шестиклассную школу, а спустя год перешёл в реальное училище. **С 1890 года он продолжал учёбу в Тифлисе, который был тогда административным и культурным центром Кавказа, а через год, получив аттестат зрелости, поступил в Институт инженеров путей сообщения в Петербурге.** Учась на инженера-железнодорожника, молодой человек в качестве вольнослушателя посещал **лекции по литературе на Восточном факультете Петербургского университета.** Ахвердиев серьёзно занимался изучением персидского и арабского языков, восточной филологии. За пять лет он успешно сдал все курсовые экзамены и получил диплом филолога-востоковеда.

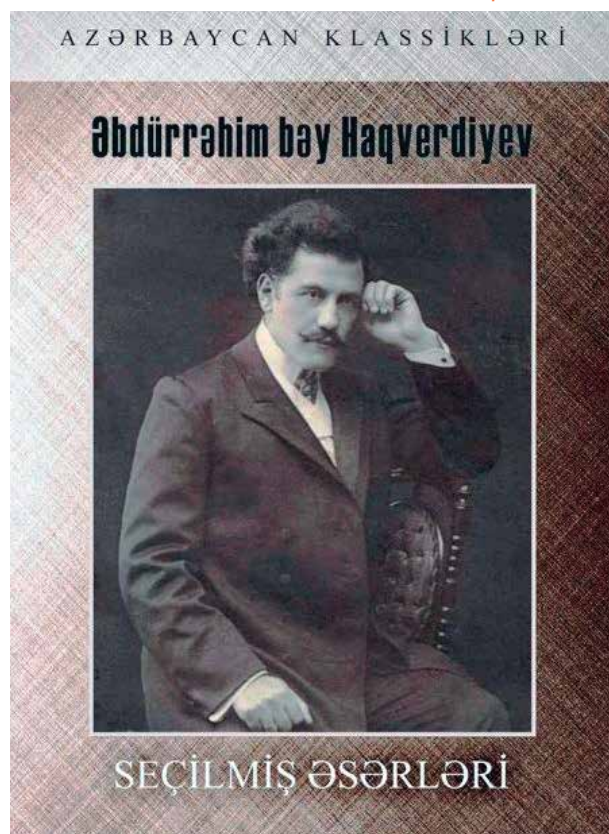
Восьмилетнее пребывание в Петербурге оказало на молодого Абдуррагима огромное влияние. Он приобщился к великой русской культуре, а через русский язык и к передовой европейской культуре, расширил кругозор, и всё это способствовало формированию его мировоззрения и обогащению художественного таланта. Он **живо интересовался театром;** из петербургских театров, по признанию самого писателя, его особенно привле-

кал Александринский: «Александринский театр всецело захватил меня. По меньшей мере раз в неделю я ходил в этот театр, иные недели он привлекал меня и по два и по три раза».

Надо отметить, что в те годы на сцене прославленного театра ставились произведения русских классиков Фонвизина, Грибоедова, А.Н.Островского, Гоголя, Пушкина, Салтыкова-Щедрина, Чехова. Здесь выступали такие яркие представители русской сцены того времени, как М.Г.Савина, М.Ф.Комиссаржевская, В.Н.Давыдов, К.А.Варламов, М.И.Писарев, М.И.Дальский, И.П.Далматов. **Под благотворным влиянием петербургской театральной среды молодой Абдуррагим бек здесь же, в столице Российской империи написал свои первые пьесы:** комедию «Съешь гусяного мяса, узнаешь его вкус» – «Конец венчает дело» (1892), высмеивающую многожёнство, а затем драму об упадке дворянско-помещичьего хозяйства «Разорённое гнездо» (1894), которую издал в 1899 году в авторском переводе на русский язык в Петербурге.

В 1899 году Абдуррагим бек с двумя престижными дипломами вернулся в Баку и занялся

Произведения А.Ахвердиева неоднократно издавались в Азербайджане

творческими делами, ставил в театрах города спектакли азербайджанских драматургов, а также свои пьесы. Написал драму «Несчастный юноша» (1900) и трагедию «Волшебница пери» (1901). Параллельно А.Ахвердиев принимал самое активное участие в общественной жизни, в 1904 году был избран членом городской управы в родной Шуше, а 20 апреля 1906 года – депутатом первой Государственной думы от Елизаветпольской (так в то время называлась Гянджа) губернии. Но, как известно, эта дума действовала недолго – с 27 апреля по 9 июля 1906 года, когда была распущена царём Николаем II. Абдуррагим бек на

ОПЕРА НА МУСУЛЬМАНСКОМЪ ЯЗЫКЪ.
ТЕАТРЪ Г. З. А. ТАГИЕВА.
Въ субботу, 12-го января 1908 года
 Оперными артистами театральной секции О-ва „Н И Д Ж А Т Ъ“
 под наблюдениемъ авторовъ и при участіи любителей представлено будетъ пер-
 вый разъ на мусульманской сценѣ О П Е Р А

ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУНЪ

въ 5 дѣйств. и 6 картинкахъ, переделанная изъ поэмы ФИЗУЛИ и переписан-
 ная на музыку братьями У. и Дж. Гаджибековыми.
 Восточный оркестръ подъ управленіемъ Курбана. При полнѣмъ обстоятельстве и
 новыхъ костюмахъ, считаясь специально для этой оперы.
 Для дамъ-мусульманокъ имѣются закрытая ложа, 1 Цѣны мѣстамъ бенефисен.
 Начало ровно въ 8 1/2 часовъ вечера.
 Билеты заблаговременно продаются въ читальнѣ О-ва „Инджати“, а въ день
 спектакля отъ 10 до 2 и отъ 5 час. до окончания спектакля.
АНОНСЪ: Въ понедѣльникъ, 14 января пред. будетъ „Г Я В Э“.
 Общий расп. А. Вели. Режиссеръ Араблинский.

Въ субботу, 12 января 1908 г.,
 въ залахъ Бакинскаго Общественнаго Собранія
состоится

*Афиша первой на мусульманском Востоке оперы
 «Лейли и Меджнун», в постановке которой
 А.Ахвердиев сыграл важную роль*

четыре месяца задержался в Петербурге, собирая в государственной библиотеке, музеях и городских архивах материал для задуманной им исторической трагедии «Ага Мухаммед шах Каджар», которую завершил в 1907 году в Баку.

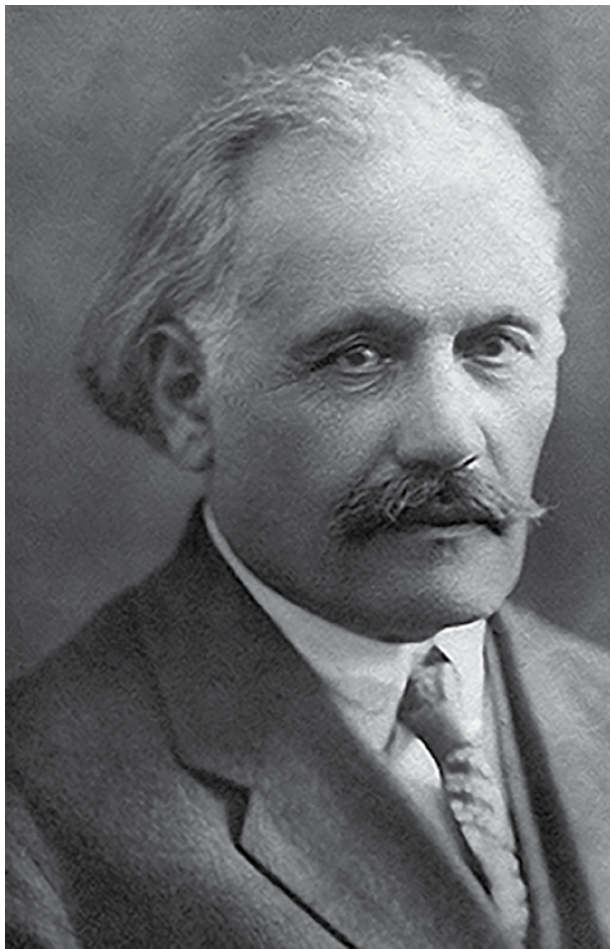
Возвращение Ахвердиева на родину совпало со временем, когда огромную популярность в народе обрёл демократический сатирический журнал «Молла Насреддин» (издавался с 1906-го по 1931-й год). Издатель, великий писатель-демократ Джалил Мамедулизаде (1866–1932) пригласил Ахвердиева сотрудничать с журналом, и признанный драматург переключился на юмор и сатиру, от больших драматических произведений перешёл к рассказу, очерку, новелле, одноактным и двухактным комедиям, в которых показал себя вполне зре-

лым и талантливым мастером. Разъезжая по стране, писатель наблюдал жизнь и быт соотечественников, все ещё находившихся во власти средневековых предрассудков и суеверий, и посылал в журнал колкие рассказы и очерки, впоследствии составившие содержание двух значительных циклов – «Мои олени» и «Письма из ада». К этому времени относятся его такие известные повести и рассказы, как «Отец и сын», «Свидетельство луны», «Шейх Шабан», а также небольшие комедии «Фантазия», «Друзья нации», «Голодные ребята», «Кто виноват?», в которых беспощадно клеймятся оголтелые националисты, религиозные фанатики, мракобесы, высмеиваются отсталость, невежество, самодурство, бытовые и социальные пороки общества. Абдуррагим бек Ахвердиев прославился в азербайджанской литературе как художник-обличитель. Его зоркий, наблюдательный, пытливый писательский взор охватывал самые разные стороны жизни современников.

Перу А.Ахвердиева принадлежит немало научных статей в области театрального искусства и литературоведения, в том числе – «Театр в Азербайджане», «Народные спектакли и религиозные драмы в Азербайджане», «Жизнь и деятельность М.Ф.Ахундова», «Образцы старой и новой литературы», «Силлабический размер», «О произведении «Волшебница пери»», «Жизнь и творчество М.Горького». Большой ценитель и знаток национальной музыки, А.Ахвердиев впервые организовал народных музыкантов-исполнителей – сазандаров, руководил их деятельностью, помогал повышать исполнительское мастерство. Он организовал также народных певцов – ашугов отдал немало сил для популяризации их творчества, понимая все значение ашугского искусства для развития национальной музыкальной культуры. Стоит кстати отметить, что на первой постановке оперы «Лейли и Меджнун», состоявшейся 25 января 1908 года в бакинском театре Гаджи Зейналабдина Тагиева, дирижировал Абдуррагим бек Ахвердиев.

Все эти факты наглядно свидетельствуют о разносторонности интересов знатного карабахского интеллигента, заслуженного деятеля искусств Азербайджанской ССР (1932) в области культуры и искусства.

С сентября 1921 года Абдуррагим бек Ахвердиев начал читать лекции студентам Азербайджанского государственного уни-

Абдуллагим бек Ахвердиев

верситета по истории азербайджанской литературы. Его переводы из классиков мировой и русской литературы – Шекспира, Шиллера, В.Скотта, Золя, Андерсена, Горького, Чехова, В.Короленко, Е.Чирикова – по сей день считаются высокопробными и адекватными образцами переводной литературы.

До последних дней жизни этот неутомимый труженик не оставлял ни пера писателя-реалиста, ни кафедры педагога-лектора, ни общественно-патриотической работы, отдавая все свои силы на благо своего народа. 11 декабря 1933 года, в расцвете творческих сил он скоропостижно скончался от сердечного приступа.

Имя Абдуллагим бека Ахвердиева, всесторонне развитого интеллектуала, классика азербайджанской литературы занимает достойное место среди выдающихся представителей литературы Востока. Его творчество всецело проникнуто народным духом и выражает народные чаяния, зовёт народ к самосовершенствованию, продолжая волновать своей искренностью и реалистичностью.

Среди исследователей творчества знатного карабахского интеллигента следует назвать с признательностью имена видных азербайджанских литературоведов – незабвенного московского учёного, профессора Азиза Шарифа (1895–1988) и профессора Камрана Мамедова (1922–1989). ✨

ЛИТЕРАТУРА

1. А.Ахвердов. Избранные сочинения. Перевод с азербайджанского и вступительная статья Азиза Шарифа. Баку, «Азернешр», 1938. 324 с.
2. Абдуллагим Ахвердов. Рассказы. Перевод с азербайджанского, вступительная статья, комментарии и примечания, словарь Азиза Шарифа. Москва, «Художественная литература», 1955. 104 с.
3. А.Ахвердов. Мои олени. Перевод А.Шарифа и Дж.Шихзаманова, послесловие, комментарии, примечания и словарь Азиза Шарифа. Баку, «Детгиз», 1960. 114 с.
4. Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi, 3 cildə. II cild. Bakı, "Elm", 1960
5. З.Е.Александрова. Словарь синонимов русского языка. Под редакцией Л.А.Чешко. Изд. 2-е. Москва, «Советская энциклопедия», 1969. 600 с.
6. Мамед Ариф Дадашзаде. Азербайджанская литература. Москва, «Высшая школа», 1979. 232 с.
7. Əziz Şərif. Keçmiş günlərdən. İkinci kitab. Adamlar (sənədli xatirələr). Bakı, "Yazıcı", 1986. 412 s.
8. Əhmədov T.Ə. XX əsr Azərbaycan yazıçıları. Ensiklopedik məlumat kitabı. Bakı, «Nurlar», 2004
9. Рустамова А., Набиев Б., Караев Я. Азербайджанская литература (краткий очерк для азербайджанской диаспоры). Под ред. Б.Набиева и Т.Керимли. Баку, «Элм», 2005. 453 с.

The article gives a brief overview of the life and work of Abdurrahim bay Hagverdiyev, an outstanding Azerbaijani dramatist, satirist, theater teacher, educator and public figure of the beginning of the last century. It notes Hagverdiyev's cooperation with the well-known satirical magazine Molla Nasreddin, as well as his organizational services in the development of Azerbaijani musical culture.

МОИ МАРАЛЫ

ЖАЛОБА

Чело на земле, а зад к небесам –
То значит – молитву творят небесам
Наступил месяц Рамазан. Ярмарки... виноват...
мечети оживились. Мои маралы готовят товар, то
есть снимают с них пыль и принимаются заучивать
наизусть.

Позволим себе небольшое отступление...

Быть может, вы думаете, что ахунды сами сочи-
няют проповеди? Ошибаетесь. Пусть знают те, кто
не знает, что пять-шесть столетий тому назад некий
благословенный написал целую книгу, содержа-
щую ровным счётом тридцать штук проповедей.

Ахунды, пользуясь этой книгой, каждый вечер
заучивают проповедь и на следующий день про-
износят её перед правоверными.

Это отступление я сделал для тех, кто строго
относится к ахундам и винит их в том, что они не
говорят ничего нового. Но что им делать, бедным
созданиям Аллаха! В голове пусто, в груди – тоже,
а новое слово из земли не растёт...

Плотно поужинав, ахунд берёт чётки и начинает
подсчитывать:

Мануфактурщик – сын Вислоухого – тридцать
рублей;

Курица Джафар – пятьдесят рублей;

Веникобородый Рагим – десять рублей;

Телёнок Байрам – десять рублей;

Сын Широконосого – десять рублей;

Гнилой Мехти – десять рублей;

Сирота Дадаш – пять рублей;

Пискун Фарзали – пять рублей;

Тощий Керим – пять рублей;

Сыновья трубы Балаханум – десять рублей;

Кабан Кязим – лошадь или двадцать рублей;

Сорока Сафи бек – мешок пшеницы;

Плешивый Миргейдар – половина козлиной
туши...

Подсчитав, таким образом, ожидаемые подно-
шения своих мюридов, ахунд обращается к одной
из своих жён:

– Как ни считаю, даже шестисот рублей не наби-
рается. Не знаю, как быть. Единственная надежда
была на этот пост: рассчитывал хорошо заработать
и набрал по лавкам в долг всякого добра почти на

Произведения А.Ахвердиева регулярно ставятся на театральных сценах Азербайджана

тысячу рублей. Если дела мои и дальше пойдут так, все мы подохнем с голоду. Три жены, восемь ребятишек, и всех корми... Раньше в рамазан я собирал по меньшей мере тысячи полторы. А тут с каждым днём становится всё хуже – народ стал безбожным, не жертвует духовенству. Да разрушит Господь дома тех, кто учился в русских школах, они-то и совращают мусульман с пути истинного!

Идёшь в мечеть – пусто; а в этом, как его называют, будь он проклят, театре – полным-полно. Что это значит? Должно быть, конец света приходит. Ты только подумай, до чего дошло: Кустарник Самед и Гиена Таги и те стали посылать детей в школу. Сколькo я их не отговаривал, ничего не вышло.

У меня пылает внутри, когда я вижу всё это. Скоро в городе не останется ни одного мусульманина, и нам придётся в конце концов пойти в чернорабочие.

Ты думаешь, я хожу каждый день в мечеть совершать намаз? Как бы не так! Печень в огне и пламени... Тут разве намаз в голове? Какой там намаз?... Просто бью земные поклоны, и больше ничего... Каждый раз, припадая к земле, смотрю между ног назад, что творится в мечети, и когда вижу, как мало мюридов, сердце кровью обливается. Будь прокляты все эти газетные писаки! Пусть погибнут дети у всех, кто завёл школы! И да пожрёт огонь могилы отцов, чьи сыновья открыли театры!

Да разве простит Аллах такое дело – сын Барана Насира сбрил усы и щеголяет безусым, – я, мол, в театре играю. А ведь сам Насир – человек богобоязненный. Великий Боже! Помоги нам, а не то погибнет ислам...

Тут ахунду сообщают, что ученики собрались и ждут его. Он с трудом подымается и, сокрушённо качая головой, плетётся в другую комнату.

СВЯТОЕ МЕСТО

Невероятно уставший Мирза Джавад, отдуваясь, вошёл в комнату, поставил принесённый под полой ящик в угол, положил завязанную в платок небольшую пачку книг на подоконник и повалился на пол около печки. Жена отложила в сторону чулок, который вязала, и, принеся мутакку, подложила её мужу под голову.

Пусть Мирза отдохнёт, а мы тем временем расскажем, кто он такой.

Мирза Джавад был уличным писцом. В больших городах – Баку, Тифлисе, Ираване, Гандже таких

писцов много. Разостлав коврик, они устраиваются у ворот мечети, на площади или на улице и поджидают клиентов. Перед каждым таким грамотеем стоит ящик, на котором две-три книжки, несколько листков белой бумаги и пенал.

Главные их заказчики – иранские амбалы, которым они пишут письма на родину. Но и городские жители частенько обращаются к ним с разными просьбами: написать письмо, погадать, снабдить талисманом и так далее. А в Ираване при мне такой писец скрепил даже брачный договор.

Ясно, что прибыльность всякой торговли зависит от спроса на товар, и эти писцы ежедневно зарабатывают от двадцати копеек до рубля.

Таким вот писцом и был Мирза Джавад.

У Мирзы был двадцатитрехлетний сын Ахмед, страстный любитель бильярда, игравший весь день, с раннего утра до поздней ночи. Он был

Сцена из драмы Ахвердиева «Письма из ада»

настолько охвачен этой страстью, что даже во сне часто выкрикивал:

– Режу туза в середину!.. Десятку в угол!.. Ты дровосек, а не игрок... А ещё лезешь играть с таким мастером, как я!..

По утрам, не выпив чаю, он бежал в бильярдную.

Ахмед был прав, величая себя мастером. Играл он отменно, и его знал весь город. Он много выигрывал, но всё тратил на себя, и расходы по дому ложились целиком на отца.

Жена поставила перед Мирзой Джавадом стакан чаю. В этот момент появился Ахмед, видимо после хорошей передраги: вся его одежда была в мелу, порванный рукав чохи болтался на нитке, под глазами цвели синяки, нос расквашен. Одним словом, все признаки перенесённых побоев были налицо.

– Сын мой, что с тобой?! – воскликнула мать.

Мирза Джавад повернулся на голос жены и, увидя сына в таком состоянии, стал ворчать:

– Проклятый! На кого стал похож?! Не можешь найти приличное дело и заняться угодным Аллаху ремеслом. И тебе не стыдно, что чуть не каждый день тебя избивают, и ты в таком безобразном виде являешься домой? Ну, посмотри на себя! Если меня не стыдишься, постыдился бы своих ровесников.

Мирза Джавад наговорил сыну кучу неприятностей и облегчил душу.

Тогда стал изливать душу Ахмед:

– Конечно, бедного человека и колотить могут, и ругать, и называть сумасшедшим... Будь у меня деньги, конечно, и я имел бы нескольких кочителохраниителей. Где справедливость, если такой пёс, как сын Гаджи Расула, велел меня избить? Виноват он, а избит я. Ты только послушай! Он заказал шар в угол, а шар попал в середину. Тогда он начал настаивать, что шар был назначен им как раз в середину. Я клялся, божился, позвал маркера, ссылался на свидетелей, а он и слушать ничего не хочет, стоит на своём. Тогда я сказал: «Братец, зачем врёшь так нагло?» Только и всего... Тут он точно бомба взорвался: «Ах ты, говорит, сын Пуришкевича, ещё смеешь меня ругать!» Я вспылil и схватил его за ворот. Но к нему подоспели его телохранители. Их стало трое, а я один... Вот они меня и отделали. Будь у меня отец состоятельным, сын Гаджи Расула и подступиться бы не посмел... Не будь с ним кочи, я бы показал этому негодяю.

– А что это за слово ты сказал – вроде «пурушкович», что ли? – спросил отец.

– Почём я знаю? Будь это что-нибудь хорошее, он про своего отца сказал бы так. Я потом спросил – говорят, новое русское ругательство. Ну, и выходит, что виноват в моём унижении вот этот отец, который лежит на боку у печки.

Мирза Джавид вскочил, словно на него обвалился потолок.

– Ах ты, бездельник! Тебя будут ежедневно избивать, как собаку, а виноват в этом буду я? – зарычал он на сына.

– Вот именно. Меня будут избивать, как собаку, а ты будешь виноват. Тебе восемьдесят лет, а где твоё состояние? Твои ровесники стали знатными людьми, а ты сто лет не отрываешь глаз от своего пенала и обтрёпанной книги. И не стыдишься? За это же время Муса Нагиев стал миллионером; к бывшему аробщику Шамси сам эмир бухарский в гости приезжает; Гаджи Зейналабдин за гривенник в день таскал на спине кирпичи, а теперь на плечах у него красуются генеральские эполеты. Ведь всё это твои товарищи. А ты зачем не позаботился о своём будущем? Где твои нефтяные вышки, заводы, пятиэтажные дома?

– Да что ты на меня накинулся, – взмолился отец. – Им Аллах дал, а мне нет. Пойди, если хочешь, требуй с Аллаха. Ведь денег из щели в земле не достанешь...

От этих слов Ахмед разозлился ещё пуще:

– А этим людям богатство с неба свалилось? Откуда же всё это, если не из земли? Будь ты толковее, в своё время закрепил бы за собой десятин пять земли и теперь стал бы уже большим человеком.

– Сын мой, – перебил отец, – чем упрекать старого отца, приберёт бы эти наставления для себя. Если так легко добывать деньги из земли – что ж, добывай. Раз для этого достаточно одного умения и способностей, покажи себя.

Эти слова задели Ахмеда за живое. Он задумался и вдруг, словно очнувшись от сна, пробормотал:

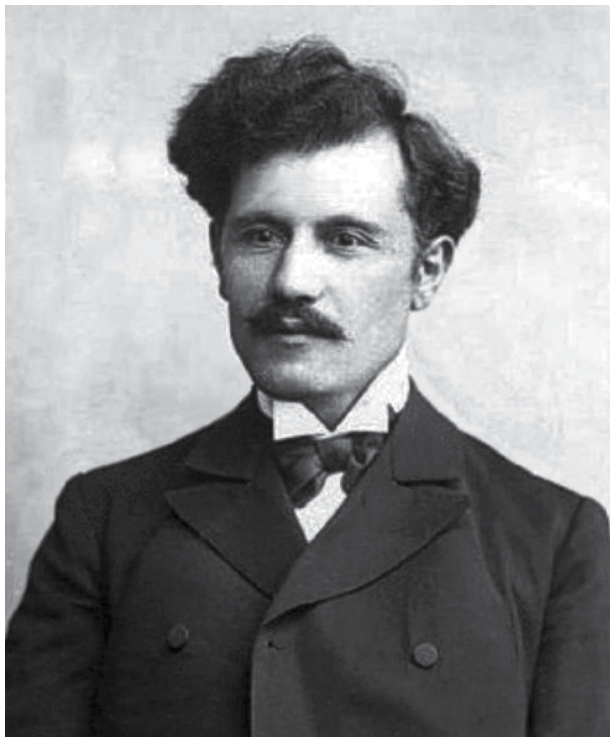
– Ну, хорошо отец! Я добуду деньги хоть из-под земли, вот увидишь...

И с этими словами вышел из комнаты.

***

У Мирзы Джавада в деревне был домишко с крошечным садиком, доставшийся ему в наследство от отца. С наступлением жары он переезжал с женой в деревню и оставался там до осени. А сын ни на день не покидал города, проводя всё время в бильярдных.

Месяца через два после беседы, которую мы описали, Мирза Джавад собрался в деревню. Ахмед тоже поехал с родителями.

– Что случилось, сынок? – спросил удивлённый Мирза Джавад. – С чего это ты решил ехать с нами?

– Еду извлекать деньги из земли.

Отец засмеялся, но ничего не сказал.

Итак, вся семья перебралась в деревню.

Однажды Ахмед, придя домой, принёс подолой кирку и бросил её в угол.

– Для чего это тебе? – спросил отец.

– А как же, надо ведь рыть землю, чтобы добыть деньги. Вот этой киркой я и вырою в саду колодец и буду добывать деньги.

– У тебя с головой все в порядке? – озабоченно спросил отец.

– Цыплят по осени считают! – спокойно отвечал сын.

Ночью, когда все улеглись спать, Ахмед взял кирку и отправился в сад.

На рассвете Мирза Джавад, выйдя из комнаты, чтоб умыться перед утренней молитвой, заметил в нескольких шагах от крыльца яму. Подойдя ближе, он увидел сына, который работал там, на дне, на глубине аршин в пять.

– К чему это, дитя моё? Зачем ты себя мучаешь? – спросил Мирза Джавад.

– Не мешай, отец. Скоро доберусь до клада. Который час?

– Скоро уже утро.

– Ну, тогда на сегодня хватит. Продолжение завтра.

У Мирзы Джавада не оставалось сомнений, что сын рехнулся.

– Великий Аллах! – с огорчением сказал он про себя. – Один единственный у меня сын, да и тот сошёл с ума. Воля твоя, Боже!..

Ещё несколько ночей работал Ахмед в саду; трудился до рассвета, а днём отсыпался.

***

Прошло некоторое время. Как-то в полдень вернулся из города Мирза Джавад, ездивший туда на несколько дней по делам. Ахмед подвёл отца к вырытому им колодцу:

– Видишь, отец?

– Вижу, сын.

– Что это такое?

– Ничего особенного. Колодец.

– Теперь поди сюда. Видишь щель в земле, под инжирным деревом?

– Вижу, сынок. Ну и что?

– Эх, недогадливый ты человек!.. От колодца до этого места я прорыл подземный ход... Всё ещё не понимаешь?

– Нет, не понимаю. Накажи меня Коран, который я читаю, если что-нибудь сообразил... Ну что это? Вырыл у дверей колодец, провёл подземный ход до инжирного дерева и между корнями сделал щель.

– Значит, не догадываешься? Это та самая щель в земле, из которой мы будем добывать деньги. Поди, позови мать. Она сообразит.

Мирза Джавад, недоумённо качая головой, пошёл за женой.

Ахмед взял мать за руку и подвёл к яме:

– Видишь, мать?

– Как не видеть, сынок, вижу.

Он показал ей всё сооружение.

– Мать, – сказал Ахмед, – ночью я пройду из колодца по подземному ходу сюда, к инжирному дереву, зажгу свечу и высуну в щель. А ты пойдёшь к соседкам шепнёшь им, что у нас под инжирным деревом явился свет. Потом возвращайся и сиди смирно дома. Дальше уж не твоё дело...

– Молодец, сынок! – радостно воскликнул Мирза Джавад. – В эту щель к нам потечёт богатство. Ай да молодец! Вот это я понимаю!

Мать Ахмеда рассказала нескольким соседкам о появлении у них в саду таинственного света. От соседки к соседке, от Гюльпари к Ханпари, от Ханпари к Шахпари... и к вечеру весь садик Мирза

Джавада наполнился женщинами. Они видели свет под инжирным деревом, но ни одна не решалась подойти близко. Смелее всех оказалась тётка Фатманиса.

– Я посмотрю, что за огонь, – заявила она и пошла к дереву. Но как только она приблизилась к нему, свет погас.

Он снова появился, когда она отошла. И никто уже не сомневался в том, что под инжирным деревом в саду Мирзы Джавада объявилось чудо, это святое место – пир.

Слух о чуде разнёсся по окрестным сёлам и дошёл даже до города. Началось паломничество.

Кто нёс сюда деньги, кто баранов, кто сдобные хлебы, халву и всякую всячину. Короче говоря, двор Мирзы Джавада превратился в ханский двор.

Святое место давало в день не менее двадцати рублей дохода, а иногда пятьдесят и даже шестьдесят рублей.

– Отец! – сказал Ахмед. – Видишь, как из щели в земле добывают богатство? Теперь сиди здесь и отдыхай в своё удовольствие. Из доходов от пира пятьдесят рублей жалованья в месяц тебе, а остальное – мне. Пусть теперь попробует сунуться ко мне сын Гаджи Расула.

С той поры пир шейха Джавада получил громкую известность.

***

Как-то шёл я по улице. Навстречу мчался фэзтон, в котором сидел мужчина навеселе, а с ним рядом блондинка в высокой, как минарет, шляпе. Фэзтон пронёсся, как ветер, мимо меня.

– Кто такой? – спросил я товарища.

– Это Ахмед, сын Мирзы Джавада. А рядом его содержанка.

ОЧКИ

Известный в нашем городе адвокат Махмуд бек был человек общительный, весёлый и остроумный. Если кому-нибудь бывало тяжело на сердце или нападала хандра, он шёл к Махмуд беку побеседовать, рассеяться. И действительно, в его обществе человек забывал о повседневных заботах и тревожностях. Тут травили весёлые анекдоты, и в комнате стоял беспрерывный смех.

Все шутники и острословы собирались к Махмуд беку. Но надо отметить, что Махмуд бек никогда не шутил во время работы, свои дела вёл добросовестно и слыл в городе лучшим адвокатом.

Махмуд бек очень любил читать, выписывал много газет из России и имел солидную библиотеку. Письменный стол его всегда был завален газетами и журналами, и многие друзья специально заходили к нему просмотреть их, узнать новости.

***

Однажды у Махмуд бека сидел его близкий приятель Ахмед бек и, надев очки хозяина, читал газету. Почитав немного, он попрощался и ушёл.

После его ухода Махмуд бек, не обнаружив очков на столе, решил, что Ахмед бек по рассеянности унёс их с собой. Он тут же послал слугу за очками, но вскоре обнаружил их под ворохом газет.

Тем временем слуга пришёл к дому Ахмед бека и стал стучать.

К дверям подошёл сам хозяин.

– Кто там?

– Это я, Аббаскули, слуга Махмуд бека.

– Что тебе надо, Аббаскули? С чем пришёл?

– Да ничего особенного. Вы нечаянно захватили очки хозяина. Меня послали за очками.

– Скажи своему хозяину, чтобы поискал их хорошенько у себя на столе и зря не гонял тебя. Ступай, никаких очков у меня нет.

Слуга вернулся и передал хозяину ответ Ахмед бека. Но Махмуд беку взбрело в голову пошутить над приятелем. Взглянув в окно, он увидел Мехти, сына Ахмед бека, и окликнул его:

– Мехти, голубчик, как придёшь домой, попроси отца, чтобы он сейчас же прислал мои очки.

Вслед за Мехти прошёл мимо сосед Ахмед бека, тарист Кули.

– Кули, пожалуйста, – обратился к нему Махмуд

бек, – когда будешь идти мимо дома Ахмед бека, постучи к нему и передай, что он нечаянно захватил мои очки, пусть пришлёт поскорее.

Короче говоря, Махмуд бек в течение дня раз пять через знакомых напоминал Ахмед беку об очках. То же повторилось и на другой день.

На третий день к Махмуд беку пришёл Ахмед бек и, щёлкая пальцами стал приплясывать.

– Завтра отправляюсь на станцию, – торжествующе сказал он, – а оттуда дальше. Кончилась твоя забава... Делай теперь что хочешь...

Выпив у приятеля чаю, Ахмед бек ушёл.

Недолго думая, Махмуд бек сел за стол, написал письма своим друзьям и приятелям на всём пути следования Ахмед бека и в тот же вечер через ехавших на станцию знакомых извозчиков разослал адресатам.

***

На другой день Ахмед бек, наняв лошадей, выехал из города. На первой же остановке к нему подошёл безбородый Бахшали, бакалейщик:

– Салам-алейкум, Ахмед бек!

– Алейкум-салам, Бахшали! Как поживаешь?

– Слава Аллаху, вашими молитвами. Перед отъездом вы не видели Махмуд бека?

– Как же, видел накануне. А что такое?

– Да вот пишет мне, что вы увезли его очки. Просит взять их у вас, когда вы будете проезжать мимо моей лавки, и переслать.

Раздосадованный Ахмед бек объяснил лавочнику, что Махмуд бек шутит: его очков он не брал.

– Напиши, что я оставил очки на столе у него.

Безбородый Бахшали отошёл.

Накормили и напоили лошадей, и Ахмед бек отправился дальше.

Спустя два-три часа его догнал какой-то всадник и крикнул, чтобы он остановился. Извозчик придержал лошадей.

– Вы Ахмед бек? – обратился догнавший всадник к седоку.

– Да.

– Салам-алейкум! Простите, Ахмед бек, что я задержал вас. Но у вас очки Махмуд бека. Он пишет мне, что без очков, как слепой, ни читать, ни писать не может; просит взять у вас очки и послать ему в город.

Ахмед бек побожился и уверил, что это шутка и у него очков нет.

На второй остановке Ахмед бек вышел на базар повидаться с приятелем.

Кузнец Паша, увидев Ахмед бека, бросил работу и подошёл к нему:

– Простите, не с Ахмед беком ли имею честь говорить?

– Да, я Ахмед бек. Что такое?

– Махмуд бек пишет, что вы забыли вернуть ему очки. Будьте добры, передайте их мне, а я отошлю. Есть едущие в город.

На этот раз Ахмед бек вышел из себя:

– Ко всем чертям и Махмуд бека и тебя!.. Оставьте меня в покое и не приставайте с глупостями... Дайте мне идти своей дорогой!..

– Бек, вы можете идти, куда вам угодно. Я здесь ни при чём, и вы напрасно гневаетесь. Если вы не хотите вернуть, так и скажите. Я напишу, что не отдаёте...

– Да, напиши, что не отдаю.

– Слушаюсь...

Избавившись от кузнеца, Ахмед бек отправился в лавку к своему приятелю. После первых приветствий тот сейчас же стал справляться об очках Махмуд бека.

Ахмед бек приехал на железнодорожную станцию. В караван-сараяе его приветствовал хозяин Курбанов и тут же завёл разговор об очках.

Ахмед бек и ему объяснил, что Махмуд бек затеял всю историю с очками только шутки ради.

В течение нескольких дней никто не заговаривал с Ахмед беком об очках. Но однажды поздно ночью, когда все уже спали, кто-то настойчиво постучал в дверь. Открыли, оказалось, это юзбаши Самед из селения Ачуккенд.

– Самед юзбаши, что случилось? В такой поздний час?

– Ахмед бек здесь остановился?

– Да.

– Напомните ему, что у него очки Махмуд бека. Пусть передаст, завтра их надо послать по почте.

Ахмед бек вскочил с постели как безумный:

– Да что вы, такие-сякие дети?! Вор я, что ли?

Самед юзбаши был человек гордый и не терпел обид.

– Сам ты такой-сякой сын! Значит, по-твоему, столь почтенный человек, как Махмуд бек, пишет неправду? Или я мальчишка, чтобы ночью ехать сюда за двадцать вёрст? Нечего разговаривать. Сейчас же давай очки. Всё равно не отстану от тебя, пока не получу их.

После долгих пререканий уговорили Самеда юзбаши войти в дом и переночевать.

Утром Ахмед бек сказал ему:

– Самед юзбаши, у меня с собой нет никаких очков. Может быть, я по рассеянности случайно взял их со стола Махмуд бека, а потом оставил дома. Напишу сыну, пусть поищет и, если найдёт, немедленно передаст их по принадлежности.

Таким образом, удалось успокоить и выпроводить Самеда юзбаши.

Дальше продолжалась та же история. Ахмед бек приехал в Тифлис, там у него справились об очках, отправился в Гянджу – то же самое, в Баку – то же. Тогда он нашел приют в Туркестане, прожил там спокойно целых два года, и никто не тревожил его по поводу очков.

Поле этого Ахмед бек возвратился на Кавказ и остановился в селе Голодном у своего друга Аббас бека.

***

Однажды в морозный зимний вечер, когда оба бека, сидя у очага, уписывали шашлык из дичи, раздался стук в дверь, и в комнату ввалился неизвестный, укутанный до носа. Когда этот человек размотал башлык, в нём признали Алекбера, брата купца Мешади Дадаша.

Алекбер пытался поздороваться, но так ооченел, что не в силах был пошевелить языком. Хозяин дома усадил его поближе к огню. Когда гость немного отогрелся и обрёл способность говорить, Аббас бек стал расспрашивать его:

– Что случилось, Алекбер, по какому делу приехал в такую стужу?

– Оч... оч... очки! – еле выговорил Алекбер всё ещё деревянным языком.

Ахмед бек вскочил при этом слове и стал вне себя метаться по комнате:

– Ну и характер у этого человека!.. Шутить можно день, два, месяц, наконец, год. Кинулся в Тифлис – не спасся; наконец, уехал в Туркестан. Куда ещё бежать? Не могу же я вовсе покинуть землю.

Потом он обратился к гостю:

– Алекбер, голубчик! Ты знаешь Махмуд бека. Уже два года разыгрывает меня этими очками. Завтра же, несмотря на мороз, еду в город, чтобы повидаться с ним и покончить с этим.

Алекбер никак не мог поверить, чтобы такой почтенный человек, как Махмуд бек, ради глупой

шутки мог заставить его проскакать в мороз пятнадцать вёрст. В душе он решил, что Ахмед бек действительно захватил очки и отправится в город, чтобы вернуть их Махмуд беку.

Утром, напившись чаю, Ахмед бек выехал в город. В полдень, когда он вошёл в дом своего следователя, Махмуд бек обедал. Увидев гостя, он встал из-за стола и, прищёлкивая пальцами, направился к нему.

Ахмед бек застыл на месте. Вдруг из глаз у него покатились слёзы, и он с усилием сказал:

– Махмуд бек! Разве допустимы такие шутки? Пошутил раз, пошутил другой – довольно... Ты ведь мне жизнь отравил, из-за тебя мир мне стал тесен. Чего тебе от меня нужно? Заклинаю жизнью твоих детей и прахом твоего отца, заклинаю хлебом-солью, которые мы делили, – отстань от меня! Дай мне возможность дожить остаток дней спокойно.

Махмуд бек дал слово, что не будет больше к нему приставать, но добавил при этом:

– Когда ты уходил от меня, то сказал: «Теперь делай, что хочешь». Вот я и развлекался. Нынче, клянусь жизнью сына, и не заикнусь об очках. Давай поцелуемся и помиримся!

Друзья обнялись, расцеловались и сели вместе обедать.

Верно, с этого дня Махмуд бек отстал от него и более не вспоминал об очках. Однако история эта стала известна всему городу, и всюду – в лавках, на базаре, в обществе – только и говорили об очках Махмуд бека.

Ахмед бек в отчаянье заперся дома и в течение шести лет носа не показывал на улицу. По городу пополз слух, что бек помешался, и хотя никто, кроме членов его семьи, не мог удостовериться в этом, все поверили.

***

Недавно с крыши дома Ахмед бека раздалось молитвенное пение моллы, извещавшего о смерти хозяина.

Горожане собрались в доме покойного, чтобы отдать ему последний долг. Больше всех лил слёзы над гробом и бил себя в голову Махмуд бек, оплакивавший усопшего, как родного брата.

Махмуд бек даже пожертвовал на похороны своего друга сто рублей.

Перевод Азиза Шарифа